Мэн Цзиньяна вошла вместе с Си Яней и увидела женщину, которой было за сорок, подобострастно улыбающуюся.

Это были ее мать, Ван Яфан, и ее отец, Мэн Чжун.

“Гу Мана, мы здесь только для того, чтобы навестить Цзиньян. А Юхао сказал, что скучает по своей сестре”. Говоря это, она несла мальчика и указала на Мэн Цзиньяну, которая стояла в дверях. «Ах Хао, это твоя сестра, Цзиньян, быстро иди и позови ее”.

Мэн Юхао бросился вперед и схватил Мэн Цзиньяну за руку. “Сестра, твоя форма выглядит прекрасно. Я тоже хочу ее надеть. В вашей школе даже есть огромный супермаркет. У тебя есть деньги, чтобы купить мне что-нибудь вкусненькое поесть?”

Мэн Цзиньяна замерла, и она посмотрела на него сверху вниз без всякого выражения.

Холодные и отстраненные глаза Гу Маны сузились, когда она бросила взгляд на Мэн Юхао, который ни на что не обращал внимания. Тихо посмеиваясь, она сказала: “Если я правильно помню, ты выбросила все вещи, которые оставила Цзиньян, как будто ты никогда ее не рожала. Ваш сын, должно быть, узнал о том, что у него есть сестра, только из новостей.”

Ее слова, казалось, попали в самую точку для Ван Яфаны. Чувствуя себя смущенной, последняя сказала, когда ее уверенность улетучилась: “Но она все еще моя дочь”.

Мэн Чжун поддержал ее: “Гу Мана, спасибо тебе за заботу о Цзиньяне все эти годы. Сейчас она такая выдающаяся, и даже если она вернется в город, ее будут считать вернувшейся в свой родной город с почестями. Никто больше не будет смотреть на нее свысока и трепать ее языками. Более того, в ней течет наша кровь, и мы не должны забывать о своих корнях”.

Мэн Юхао поднял голову. “Она моя биологическая сестра. Мой отец сказал, что даже если кости сломаны, сухожилия связывают нас вместе. Мы одна семья.”

В последнее время его дом принимал много гостей и был действительно оживленным. Они даже дарили ему подарки и закуски. Его мать сказала, что все это было заслугой его сестры, и семья рассчитывала на нее. Он также хотел посещать школу в городе и наслаждаться всей доступной хорошей едой.

Глядя на своего сына успокаивающим взглядом, леди с гордостью сказала: “Все в городе говорили, что Цзиньяна появилась в национальных новостях телевидения. Она действительно принесла честь нашему городу».

Она появилась на телевидении в качестве жертвы. Что это была за честь?

Мэн Цзиньяна поджала губы, и в ее голове возникли образы более чем десятилетней давности.

“Как неловко, что дочь семьи Мэн. Такое случалось с ней, когда она была так молода. Весь наш город потерял лицо из-за нее».

“Это верно, как может с ней случиться зло без причины или причины? Это ее собственный плохой характер навлек на нее плохие вещи. Более того, для танго нужны двое. В нашем городе так много девушек, но почему она была… Да, как неловко».

”Давай держаться подальше от семьи Мэн на случай, если нам не повезет».

Теперь они говорили, что она приносит честь городу. Невыразимый холод поднялся в сердце Мэн Цзиньяны. Эти люди были настоящими паразитами.

Гу Мана протянула руку и небрежно положила ее на стол для совещаний, когда ее палец постучал по столу. Раздражение в ее глазах было слабым. “Я не в настроении слушать, как ты разыгрываешь семейную карту. Мэн Цзиньяна сегодня не вернется”.

Ван Яфана встревожилась и встала. “Гу Мана, что ты имеешь в виду? Она моя дочь, так какое ты имеешь право вмешиваться в это!”

Дело Мэн Цзиньяны принесло семье Мэн немало преимуществ. Было много репортеров, которые брали у них интервью и давали им деньги, чтобы убедить Мэн Цзиньяну дать специальное интервью. Впоследствии они получат больше денег.

Мен Чжун, который вел себя напыщенно, не мог не сказать: “Гу Мана, не будь слишком безжалостной. Наша семья воссоединяется, и такая посторонняя, как ты, не должна совать свой нос в наши дела!”

Си Янь нахмурилась. Она могла примерно догадаться о мотиве прибытия этой пары в школу. Мэн Цзиньяна была горячей темой и могла приносить деньги. Однако, как ее родители, они, казалось, выставили себя свиньями.

“Не суй мой нос в твои дела?” Гу Мана медленно повторила эти слова. Ее глаза наполнились ужасающей темнотой, по мере того как ее аура становилась все более удушающей. Уголки ее губ приподнялись, и ее безжалостность слегка обнажилась. “Конечно. Мэн Цзиньяна тратила мои деньги в течение последних десяти лет. Верни мне деньги, и в будущем она не будет иметь со мной ничего общего”.

http://tl.rulate.ru/book/45365/2270859